

Студенческая семья 1920-х гг.: попытка многофакторного анализа¹

«... В коммунистическом обществе, вместе с окончательным исчезновением частной собственности и угнетения женщины, исчезнут и проституция, и семья...»(Н.И. Бухарин)

Аналогия, мягко говоря, прелюбопытная. Но с другой стороны, что взять с власти, семейная политика которой на деле была скорее антисемейной, разрушающей основы семьи. Братоубийственную Гражданскую войну сменила очередная «гражданская война» за «свободу» от семейных ценностей. Тем не менее, следует признать, что советская политика только ускорила глобальный процесс кризиса семьи, начавшийся еще до революции.²

Конечно, вопросы любви, половых и семейных отношений до революции строго регламентировались. Во-первых, огромную роль играла церковь, с позиций которой происходило формирование у человека определенных нравственных идеалов. Во-вторых, не последнее место занимало, особенно в крестьянских семьях, традиционалистское домашнее воспитание. Наконец, в-третьих, достаточно весомыми были взгляды самого общества на проблему семьи и брака, в большинстве своем консервативные. Впрочем, все эти положения, в целом бесспорные, требуют некоторого уточнения. Действительно, до поры до времени сексуально-эротические образы в русской художественной культуре тщательно маскировались. Но уже в 1890-х годах положение изменилось. Ослабление государственного и цензурного контроля сделало тайное явным. Новая эстетика и философия жизни была реакцией и против официальной церковной морали и против ханжеских установок демократов-шестидесятников. Именно сенсуализм стал естественным аспектом новой философии индивидуализма, властно

¹ *Опубликовано: Орлов И.Б. Студенческая семья 1920-х гг.: попытка многофакторного анализа // Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII-XXI века): Сборник научных статей. М.: Изд-во МГОУ, 2004. С. 110-119.*

² Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М., 2000. С. 334.

пробивавшей себе дорогу. Толчком к осознанию общего кризиса брака и сексуальности послужила толстовская «Крейцерова соната», в которой писатель публицистически остро выступил практически против всех общепринятых воззрений на брак, семью и любовь. Открыто половой вопрос стал обсуждаться после революции 1905-1907 гг.

Хотя не вызывает сомнений и то обстоятельство, что после Октября 1917-го все стабилизирующие факторы перестают воздействовать прежним образом. Более того, образовавшийся дефицит нравственности начинает стремительно заполняться новыми коммунистическим идеалами, которые не предполагают для института семьи никаких исторических перспектив. В 20-е годы семейный быт со всей очевидностью противопоставлялся общественному, а молодежи навязывалась мысль о никчемности связей внутри семьи. Наглядным свидетельством нигилизма в семейной сфере можно считать продолжительные прения о самом понятии «семья» на статистическом съезде 1926 г. Возрастание применения женского труда и включение женщин (особенно молодых) в учебу и общественную жизнь усиливало авторитет женщин в семье и ограничивало авторитарность глав семей - мужчин. Но все это нарушало замкнутый мир семьи и усиливало несемейные интересы ее членов. Освобождение брака от существовавших ранее ограничений и трудностей развода увеличивало значение эмоциональных отношений в браке. Но, с другой стороны, все это порождало острые семейные конфликты, связанные с разными ценностными установками в жизни мужа и жены, и нарушало прежнюю стабильность и продолжительность семейной жизни.³

В современной историографии семья предстает как своеобразный перекресток социально-экономических, политических и демографических процессов и рассматривается как «процесс». История семьи выступает недостающим звеном для понимания взаимоотношений между конкретными

³ Араловец Н.А. Семейные отношения городских жителей России в контексте повседневности (90-е гг. XIX в. - 20-е гг. XX в.) // Семья в ракурсе социального знания: Сборник научных статей. Барнаул, 2001. С. 107-108.

людьми и более масштабными социальными изменениями. Этот интегративный характер современной истории семьи сегодня так или иначе признан всеми ведущими специалистами. Изучение семейных стратегий позволяет понять взаимодействие, с одной стороны, между социальными и экономическими конструктами и внешними культурными ценностями в обществе, которые заставляют делать определенный выбор, а, с другой стороны, эксплицировать ценности, принятые в семейном кругу, и то, как они отличаются от внешних социальных ценностей.⁴

Если меняется мир, которым «правят две стихии – голод и любовь», то семья и брак не остаются в старом виде. При этом срабатывает некий «закон поколения», когда «агентами социальных изменений становятся представители того поколения, для которого историческая ситуация выступает как неблагоприятная».⁵ Философ Василий Розанов еще в 1906 году заметил, что «революция почти вся делается молодежью, делается и в поэтической, и даже в физической ее части». В свою очередь, в двадцатые годы по всей стране основным субъектом возросших притязаний стала наиболее активная часть молодежи, понимавшая бесперспективность жизни по старому и стремившаяся занять лидирующее место в динамично изменяющемся обществе. Главным вектором ее преобразующей деятельности стала борьба «за новый быт», а основной выброс разрушительной энергии пришелся на наименее защищенный микросоциум – семью.⁶

В первых рядах наступавших на «буржуазную семью», несомненно, находилась студенческая молодежь (более 70% студентов находились в возрасте до 25 лет), выступавшая барометром трансформаций в семейной

⁴ Муравьева М.Г. История брака и семьи: западный опыт и отечественная историография // Семья в ракурсе социального знания ... С. 17.

⁵ Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии. СПб., 1997. С. 97.

⁶ Рожков А.Ю. Социокультурные изменения в Кубанской станице в 1920-е годы с точки зрения концепции межпоколенного разрыва // Нэп и становление гражданского общества в России: 1920-е годы и современность (материалы Всероссийской научной конференции, г. Славянск-на-Кубани, 17-20 октября 2001 г.). Краснодар, 2001. С. 18.

сфере и выполнявшая ярко выраженную критическую функцию в послереволюционном обществе. Студенчество даже в 20-е годы представляло собой некую корпорацию, для которой была характерна общность цели – получения образования. В целом в первое десятилетие Советской власти студенчество являло собой «классовый коктейль», в котором к 1928 г. рабочие составляли около 30%.⁷ И это при том что с 1924 года большевистский режим развернул чистку вузов, в ходе которой удар наносился в первую очередь по непролетарскому студенчеству. Возможно, отступления от «классовой линии» были вызваны не афишировавшейся связью чистки с внутривнутрипартийной дискуссией 1923-1924 гг., в ходе которой большинство вузовских ячеек поддержало «левую оппозицию». Так, в 1924 г. по социально-политическим мотивам было отчислено 23 тыс. человек (почти 20%), а в 1925 г. - еще 40 тыс. студентов.⁸ От преследований за оппозиционные настроения не спасало никакое пролетарское происхождение. Определенный процент отчисленных в эти годы приходился и на часть откровенно неуспевающих и неспособных к обучению на основных факультетах бывших рабфаковцев. В дальнейшем неуклонный, хотя и медленный рост доли пролетарских элементов в студенческой среде достигался с помощью системы «разверстки», заменившей декларированный в 1918 г. свободный доступ к образованию всех желающих. Согласно новой образовательной политике места в вузах распределялись между различными партийными и советскими структурами. Например, в 1925 г. из 18 тыс. мест на первом курсе 44% резервировалось за выпускниками рабфаков, а 8% - за ЦК партии. Такие же квоты выделялись комсомолу и профсоюзам.⁹ Но, как уже было сказано, качественного сдвига в отношении «классовой чистоты» студенчества в двадцатые годы не было достигнуто. Отчасти этому препятствовал низкий уровень общей грамотности абитуриентов из рабоче-

⁷ Постников Е.С. Российское студенчество в условиях новой экономической политики (1921-1927). Тверь, 1996. С. 115.

⁸ Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т.2. М., 1994. С. 416-417.

⁹ Абрамов В.Н. Техническая интеллигенция России в условиях формирования большевистского политического режима (1921 - конец 30-х гг.). СПб., 1997. С. 33.

крестьянской среды. Свою роль играло и наличие платных мест, которые в технических и художественных вузах составляли более 1/3 всех обучавшихся. В 1925/1926 учебном году за учебу в РСФСР платило 23,4% учащихся.¹⁰

Даже с учетом низкой образованности большинства поступавших в вузы (33,5% имели низшее образование) все-таки 47% абитуриентов были выпускниками средней школы.¹¹ Уровень же подготовки тех, кто такового не имел, контролировался с помощью введенных для этой категории в 1919 г. вступительных экзаменов. Еще одной характерной чертой студенчества двадцатых годов была достаточно широкая его «география»: 35% составляли выходцы из деревни, 28% - из губернских городов, а остальные «рекрутировались» из жителей уездных городов, местечек и пригородов.¹² Другими словами, советское студенчество первого послереволюционного десятилетия представляло собой, с одной стороны, достаточно типичный срез российского общества, а с другой стороны, было наиболее образованной и активной частью этого общества. Кроме того, для изучения факторов формирования студенческой семьи необходимо иметь в виду и нетипичную для послевоенной поры «половую» диспропорцию, сохранявшуюся на протяжении всего исследуемого периода: в 1922 г. и в 1927 г. в вузах соотношение мужчин и женщин определялось как 3:1.

Несмотря на все эксцессы ценность семьи на всем протяжении 1920-х гг. в студенческой среде, как и в советском обществе в целом оставалась достаточно высокой: в 1927 г. в браке состояло 31,8% студентов и 25,4% студенток. Принципиально отрицательно к браку среди студентов в 1927 г. относились всего 8,9% мужчин и 16,1% женщин. Судя по студенческим письмам и статистике, падение престижа брака очевидно: в 1922 г. принципиальных противников семейной жизни среди опрошенных студентов

¹⁰ Народное просвещение в РСФСР к 1926/27 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1925/26 год. М.; Л., 1927. Прил. 5.

¹¹ Постников Е.С. Указ. соч. С. 107.

¹² Там же. С. 92.

не было, а среди студенток процент сторонниц безбрачия не превышал 8,4%. Но зачастую мотивы нежелания создавать семью были не принципиальными и вполне приземленными. Так, материальные соображения для 63,3% студентов и 19,7% студенток были главным фактором, препятствующим браку.¹³

Для студенчества семья играла функцию социализации и являлась стратегией выживания в непростых послевоенных условиях, выступала способом адаптации к социализму и, в определенной мере, моделью «нового мира». Правда, удельный вес и динамика изменения этих факторов менялись на протяжении двадцатых годов. В этом плане, имеющиеся в распоряжении современных исследователей студенческой семьи анкеты Гельмана (1922 год) и Ласса (1927 год), демонстрируют не только начальную и конечную точки нэповской «либерализации» семейных отношений, но и не самые репрезентативные, в смысле благоприятности для создания семьи, годы: пик голода 1921-1922 гг. и резкое ухудшение социально-экономического и политико-идеологического состояния советского общества, связанное с так называемой «военной угрозой» 1927 года. Тем не менее, социологические анкеты в совокупности с материалами студенческой периодической печати и документами личного происхождения, статистическими данными и художественной литературой тех лет способны дать вполне четкое представление как о факторах, препятствующих образованию студенческой семьи, так и о благоприятствующих сохранению семейных ценностей.

Одним из факторов, формировавшим ценностные установки в этой сфере, были книги для молодежи, на страницах которых отстаивалась идея раскрепощения и активизации общественной роли женщины, пропагандировалось критическое отношение к ее семейной роли. По данным социологических исследований Ласса в 1927 г. с половым вопросом и с другими связанными с этим проблемами в среде студенчества по книгам

¹³ См.: Дорохина О.В. Отношение к семье и браку студенческой молодежи в 20-е годы // Семья в России 1996 № 1 С. 124; Ласс Д.И. Современное студенчество (Быт, половая жизнь). М., 1928. С. 145.

ознакомились 36,6%. Если сюда прибавить 11,8% тех, кто получил интересующие их сведения из журналов, то процент «книжников» превышал 50%.¹⁴ Понятно, что иногда это приводило к весьма курьезным случаям. Например, некая П.Т.И. из Зиновьевского университета (Ленинград), оставшаяся с 11-месячным ребенком на руках, вполне в духе Ильфа и Петрова на вопрос анкеты об отношении к воинской повинности ответила, что «забеременела от красноармейца».¹⁵

Немалую роль в разрушении такой семейной ценности, как любовь, сыграла художественная литература. Если героиня «Без черемухи» П. Романова сетует на то, что «любви у нас нет, у нас есть только половые отношения, и на всех, кто ищет чего-то большего чем физиология, смотрят с насмешкой, как на убогих или умственно отсталых субъектов», то герой «Собачьего пира» Л. Гумилевского откровенно объявляет любовь «буржуазными штучками», мешающими делу.¹⁶ Подобные заявления отражали вполне реальное положение дел: в 1922 г. кратковременные связи имели 88% студентов-мужчин и более 50% женщин, причем только 4% мужчин объясняли это любовью, а 54% - половой потребностью. Правда, у женщин фактор любви в половых отношениях был более высоким – 49%. Отсутствие подходящего объекта для заключения брака как основной мотив безбрачия в 1927 г. указали в анкетах 27,8% студентов и 64,2% студенток.¹⁷ Хотя общая направленность настроений была выражена достаточно определенно – свободная и общественная любовь в свободном и общественном государстве.

Многочисленные дискуссии в студенческой среде не только подпитывали «половой либерализм» (свобода отношений во всех ее проявлениях на основе принципа «свободного самоопределения полов»), но

¹⁴ Ласс Д.И. Указ. соч. С. 88.

¹⁵ Бегемот. Л., 1924. № 2. С. 10.

¹⁶ . Романов П. Без черемухи // Молодая гвардия. 1926. № 6. С. 48; Гумилевский Л. Собачий переулоч. Л., 1927. С. 14.

¹⁷ Гельман И. Половая жизнь современной молодежи. М.; Пг., 1923. С. 83; Ласс Д.И. Указ. соч. С. 145.

также стремились придать ему классовый характер, ставя во главу угла общность политических взглядов.¹⁸ Стремление молодежи к полной половой свободе в действительности выражалось в отказе от стабильного брака и создания полноценной семьи. На перекрестке этих тенденций вырастала студенческая коммуна, где «девушка, вступающая в половую связь, не отвлекается от общественной жизни».¹⁹ О связи полового вопроса и проблемы семьи свидетельствовало бытовавшее в студенческой среде «убеждение, что не только воздержание мещанство, но также и материнство мещанство».²⁰ Так как семья трактовалась как пережиток прошлого, основанного на частной собственности, то новая «социалистическая семья» воспринималась, прежде всего, как свободное сожительство супругов. Более того, отдельные студенты ратовали за раздельное проживание супругов, так как совместная жизнь якобы «обедняет и искривляет человеческие отношения».²¹

По данным 1923 г. 20% юношей и девушек не имели одного из родителей, что, конечно, не способствовало воспитанию устойчивых представлений о семье.²² Мало способствовало образованию полноценной семьи отношение вузовской администрации, действовавшей по правилу: «Или учиться, или рожать». Хотя брачно-семейное законодательство и легализация аборт облекчили и упростили процедуру развода, первоначально факты расторжения брака все же не превратились в норму повседневной жизни в городе: в 1923 году официально разведенные составляли 0,9%.²³ Но в середине 1920-х гг. численность официальных разводов увеличилась. И это без учета так называемых свободных браков,

¹⁸ См.: Красный студент. 1924. № 3. С. 32; Студент – пролетарий. 1924. май. С. 28-30; Красное студенчество. 1927. № 4. С. 46. и др.

¹⁹ Смена. 1926. № 16.

²⁰ О «любви». Сборник. Л., 1925. С. 74.

²¹ Новый взгляд // Студент. М., 1923. № 6. С. 35; О «любви» Сборник Л., 1925. С. 103.

²² Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999. С. 277.

²³ Там же. С. 273.

весьма популярных в студенческой среде. По данным Д.И. Ласса, в 1927 г. в таком браке проживало 16,5% студентов и 31,7% студенток.²⁴

Легкомысленное отношение к браку вело к увеличению числа внебрачных связей: если до революции среди московских студентов было 91% верных браков, то в 1922 г. внебрачные связи имели 62%. Хотя через пять лет этот процент снизился до 26%, но мотивы измен мало изменились: если у студентов на первом месте стояла «случайность», иногда подкрепляемая опьянением, а уменьшение влечения к супруге занимало второе место, то у студенток, наоборот, эти причины менялись местами.²⁵ Совсем другую картину дает мотивация разводов в студенческой среде. Наиболее распространенной причиной у обоих супругов называется традиционная ссылка на несхожесть характеров, зато остальные причины варьируются весьма существенно. У студентов любовь к другой занимает вторую позицию (1/5 в всех разводах), политические разногласия как причина развода встречаются вдвое реже, а безвестная отлучка супруги и ее болезнь малосущественны. В свою очередь, у студенток удельный вес политических разногласий вдвое превышает аналогичный показатель у мужчин и занимает второе место. Не менее весомыми причинами развода выступают безвестная отлучка и болезнь супруга (соответственно 3-е и 4-е места), зато любовь другому находится на самом последнем месте.²⁶

Бытовые неурядицы играли двоякую роль в процессе формирования студенческой семьи. С одной стороны, они мало способствовали созданию последней, но с другой стороны, семейная жизнь по традиции рассматривалась как одна из форм выживания в непростых жизненных условиях. «Материальная необеспеченность, жизнь без всякой материальной основы, когда не знаешь, будет или не будет завтра хотя бы хлеба достаточно, когда живешь только на одной госстипендии – это делает невозможным брак. Семейственность ведет за собой расходы и расходы.

²⁴ Ласс Д.И. Указ. соч. С. 145.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Дорохина О.В. Указ. соч. С. 125.

Кроме этого семья, в большинстве случаев отрывает студента от учебы, бросает его во все стороны в поисках работы и зачастую направляет на путь спекуляции. Пролетарское студенчество не может иметь семьи!»²⁷, - этот призыв, прозвучавший со страниц одного из студенческих журналов, станет потом на несколько лет лозунгом студенческой молодежи. Хотя в публицистике звучат и опасения: «Семья начинает заменяться более широкой группой, связанной серьезными, общими жизненными интересами, а не случаем. Семья теряет свои устои на наших глазах. Нарождается новая, своеобразная семейственность».²⁸

В общежитиях жило не более 1/4-1/5 студентов, прежде всего государственные стипендиаты. Тогда как не получающие стипендию и семейные студенты оказались за бортом государственной помощи. При этом более 60% учащихся жило в мало приспособленных для проживания помещениях, с испорченным водопроводом и канализацией, с температурой зимой опускавшейся ниже нуля.²⁹ Студенты Свердловска сообщали, что у них в общежитии нет туалета и приходится бегать напротив в здание университета, который открыт только до полуночи.³⁰ Вполне обычным явлением, особенно на периферии было, когда в одной комнате находилось по 20-30 человек. Более того, немалая часть студентов использовала для проживания вокзалы, пустующие дома, ночлежки и даже вузовские аудитории и лаборатории.

Стипендии в 1920-е годы не охватывали и половины студенческого контингента. Согласно Положению о стипендиях 1922 года в первую очередь ее получали рабфаковцы, затем пролетарское и полупролетарское студенчество и лишь в последнюю очередь – «талантливые и работоспособные студенты». Несмотря на ряд изменений в целом такое «классовое» распределение стипендии сохранялось до 1932 г., когда она

²⁷ Л.П. Большое // Студент. М., 1924. № 6. С. 25-26.

²⁸ Уралов А. Брызги быта // Студент-пролетарий. Пермь, 1924. № 2. С. 40.

²⁹ Ласс Д.И. Указ. соч. С. 78.

³⁰ Крокодил. 1922. № 7. С. 14.

стала зависеть от курса и успеваемости. Да и размеры данного вида социального обеспечения мало соответствовало прожиточному минимуму. Например, в 1922-1923 учебном году стипендии хватало на один проезд в трамвае. Выделяемая в ряде вузов помощь семейным студентам рабфаков колебалась в пределах 5-20 рублей в месяц.³¹

На помощь родителей (зачастую ничтожную) в двадцатых годах могли рассчитывать не более 10% студентов, а эпизодическим подработкам, охватывавшим преимущественно сферу неквалифицированного труда, препятствовал устойчивый рост безработицы, носившей ярко выраженный женский и молодежный характер. Более того, в 1927 г. студентов перестали регистрировать на бирже труда. Студенческие кооперативы затухли к середине 1920-х гг. Более или менее жизнеспособными оказались только студенческие столовые, в которых питалось около 75% учащихся. Однако только 5% из них питались хорошо, тогда как 52% - недостаточно или, если честно говорить, впроголодь.³² Разрешенные в 1922 г. сверху, под контролем профсоюзных секций землячества за отсутствием средств ограничивались по большей части культурно-просветительной работой, нередко проводившейся в духе гимна землячества Трудовой Карельской Коммуны:

«Да здравствует радость! Да здравствует флирт!

Да здравствуют песни и танцы!

Чуть-чуть разведем лишь водицею спирт

И будем резвы, как испанцы».³³

Все вышесказанное свидетельствует о том, что студенчеству 1920-х гг. приходилось во многом полагаться на собственные силы, а что как не семья – островок в бурном житейском море – давала ощущение стабильности и уюта, дефицит которых был очевиден. В результате в целом представления студенчества о любви, браке и семье представляли весьма мозаичную

³¹ Еремеева Е.В. Высшая школа Кубани в годы нэпа // Нэп и становление гражданского общества в России ... С. 182-183.

³² Ласс Д.И. Указ. соч. С. 121.

³³ Красный ворон. Птг., 1923. № 6. С. 6.

картину. Молодое поколение делало попытки найти себя в революционном и постреволюционном пространстве и времени, соотнести свое психофизическое состояние с состоянием социума целом. По сути, все попытки создания «новой семьи» можно рассматривать как «модели» нового общества в миниатюре. Смешение традиции и новации в семейном строительстве на своем пересечении порождало сложную гамму ценностных ориентиров. При этом линия водораздела в отношениях к семье и браку представляла собой достаточно ломанную кривую, определяемую не только и не столько партийно-классовыми представлениями, сколько прагматичными условиями быта и жизнеобеспечения.